

Посещаемость московских синагог в 1945–1950 годах по данным уполномоченного по делам религиозных культов по Москве и Московской области

Юрий Анатольевич Снопов

Независимый исследователь

Брно, Чехия

Независимый исследователь

ORCID 0000-0002-3208-4371

Брно, Чехия

Тел. +7 (495) 777-65-57

E-mail: snopov@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.3.4

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с посещаемостью московских синагог во второй половине 1940-х гг. Источниковой базой исследования являются документы, хранящиеся в фонде Р-3004 «Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области» в Центральном государственном архиве г. Москвы. Автор статьи анализирует данные, содержащиеся в отчетах и других документах фонда и касающиеся посещаемости легально действующих синагог, других аспектов еврейской религиозной жизни в Москве. Рассматривается проблематика повседневного функционирования религиозных общин в условиях тоталитарного режима, религиозности еврейского населения крупнейшего города СССР в первые годы после Холокоста. Наряду с этим в статье обсуждаются вопросы, связанные с источниками, которые были у самого уполномоченного для подготовки данных по посещаемости, методологией, которую он, вероятно, использовал для подсчета числа верующих, приходивших в синагоги. Делается вывод о том, что хотя в послевоенные годы связь с религией сохраняла меньшая часть московских евреев, в городе еще проживали тысячи религиозных и «национально настроенных» людей. Их присутствие делало возможным то, что синагоги в столице работали в ежедневном режиме, а по праздникам не могли вместить всех желающих. Среди их посетителей было

относительно много людей среднего возраста и даже молодежи. Как следует из отчетов уполномоченного, государственные мероприятия, направленные на борьбу с религией вообще и иудаизмом в частности, в тот период не приводили к падению посещаемости синагог. Снижение посещаемости началось только в 1950-е гг.

Ключевые слова: *уполномоченный по делам культов, синагога, посещаемость синагог, Москва, послевоенный период, СССР, московские синагоги, еврейская религиозная жизнь, Хоральная синагога, верующие, С. Я. Бесшапошников, И. В. Полянский*

Борьба с религией была важным аспектом внутренней политики советской власти почти в течение всего периода ее существования. Тем не менее советская власть никогда не ставила задачу полного уничтожения религиозных структур. Они не только продолжили работу в советский период, но и сохранили формальную автономию, будучи одними из немногих организаций, не считавшихся «государственными». Советская власть стремилась отделить вопросы, связанные с религией, от национальной политики. Так, отношение к иудаизму, особенно в первые десятилетия нахождения коммунистов у власти, определялось в гораздо большей степени логикой религиозной политики, нежели политикой, направленной на евреев как на национальную группу.

Начиная со второй половины 1940-х гг. за работу с иудейскими религиозными организациями отвечал созданный в 1944 г. Совет по делам религиозных культов (далее Совет). Задачей Совета было поддержание связей между органами власти и руководителями религиозных объединений (кроме РПЦ, которой занимался другой орган – Совет по делам Русской Православной Церкви). Работа с религиозными организациями на местах проводилась силами специальных уполномоченных, которые набирались, как правило, из числа местных чиновников среднего звена. Уполномоченные должны были информировать вышестоящие органы (как Совет, так и местное советское и партийное руководство) о текущей ситуации в религиозной среде, принимать жалобы от представителей религиозных организаций, информировать рели-

гиозные объединения об актуальных требованиях советского законодательства по вопросам культов [Зенюк 2019, 142].

Необходимость одновременной работы с самыми разными религиозными течениями требовала от уполномоченных широкого кругозора, в идеале – специального образования. В реальности же практически никто из них серьезными знаниями по религиозной тематике не обладал. Даже председатель Совета И.В. Полянский до назначения на эту должность никак не был связан с религиями, которыми он должен был заниматься (он работал в органах безопасности, а непосредственно перед тем, как стать председателем Совета, был начальником транспортного отдела НКВД на Октябрьской железной дороге) [Петров 2010]. Не был исключением и уполномоченный Совета по Москве и области Спиридон Яковлевич Бешапошников.

Руководство требовало от уполномоченного предоставлять достаточно большой объем информации о жизни общины. Уполномоченный должен был готовить ежеквартальный отчет обо всех существенных событиях, произошедших за этот период в каждой общине. Отчеты направлялись также после любой встречи с представителями религиозных структур, сохранялись письма, поступавшие на имя уполномоченного, другие документы. Отсутствие достаточных знаний, большой объем обязанностей при минимальном количестве ресурсов, предоставленных в его распоряжение, способствовали, скорее, поверхностному подходу уполномоченных к анализу ситуации в конкретных общинах [Altshuler 2012, 16].

В послевоенные годы Москва являлась городом с наибольшей численностью еврейского населения в СССР. По данным прошедшей в 1959 г. первой в послевоенные годы Всесоюзной переписи населения в Москве проживало около 240 тысяч евреев [Синельников 2018, 146], что составляло 10,5% всего еврейского населения СССР и 27% еврейского населения РСФСР. По сравнению с довоенным периодом число евреев Москвы сократилось не очень значительно (всего лишь на 5%). Потери других крупных городов СССР, где перед войной насчитывалось больше всего евреев, были гораздо выше (численность евреев Киева сократилась с 224 тыс. в 1939 г.

до 153 тыс. в 1959 г., Ленинграда – с 201 тыс. до 162 тыс., Харькова – со 130 тыс. до 81 тыс.) [Снопов, Сучкова 2018]. В 1946–1948 гг. в Москве и в Подмосковье легально действовало шесть синагог (потом их число сократилось до четырех). Это было больше, чем в других крупных городах, где, как правило, работала всего одна синагога. Три московские синагоги (Черкизово, Малаховка и Салтыковка) были зарегистрированы в 1945–1946 гг., еще три (Хоральная, Арбатская и синагога в Марьиной Роще) действовали и до войны. Таким образом, Москву можно назвать важнейшим центром религиозной жизни евреев СССР в послевоенный период.

По данным Всесоюзной переписи населения 1937 г., лишь 10,4% евреев СССР (т. е. около 281 тыс. человек) назвали себя верующими. Среди тех, кто в 1937 г. был младше 40 лет, число верующих не превышало 5%. Но даже в возрастной категории от 50 до 59 лет верующих было всего 30,5%, а среди людей старше 60 лет – 70% [Altshuler 1998, 101]. Учитывая, что в 1937 г. со времен прихода большевиков к власти прошло всего 20 лет, было бы опрометчиво приписывать нерелигиозность евреев только влиянию советской пропаганды и репрессиям. Логичным выглядит аргумент о том, что в 1937 г. многие евреи просто не хотели признаваться переписчикам в своей религиозности. Это, однако, не объясняет довольно серьезной разницы в числе верующих между евреями и православными (среди которых верующими себя назвали 54,5% опрошенных). Среди мусульман верующих было еще больше (66,2%) [Бейзер 1999, 115].

Первые послевоенные годы характеризовались относительно либеральным отношением государства к религии. В этот же период происходят изменения в отношении к евреям как к национальной группе. Начинается политика государственного антисемитизма. Во второй половине 1940-х гг. были закрыты все еще существовавшие светские еврейские организации, музеи, театры, издания, выходившие на идише. Продолжила свое существование Еврейская автономная область, но и там еврейские структуры были в основном ликвидированы. После 1949 г. синагоги остались единственными еврейскими институциями в стране.

Целью данной работы является анализ того, какую роль играли синагоги в повседневной жизни евреев во второй половине 1940-х гг. Предметом исследования является зафиксированная посещаемость синагог в Москве. Статистические показатели дают возможность выявить примерную численность «узкого ядра» общин (т. е. людей посещавших синагоги каждый день или каждую субботу), а также количество «национально настроенных» людей, которые не хотели или не имели возможности часто ходить в синагогу, но считали необходимым делать это хотя бы несколько раз в год – на Песах или в осенние праздники. Изучение данных по посещаемости, на наш взгляд, позволяет примерно оценить, какая часть еврейского населения города в 1940-е гг. сохраняла активную связь с иудаизмом, еврейской общиной и вообще с национальной жизнью. Изучение еврейской религиозно-общинной жизни в столице страны в первые годы после Холокоста позволяет выявить основные паттерны развития еврейской общности СССР. Важной представляется оценка таких факторов, как влияние советской антирелигиозной политики на еврейское население, сохранение общинных связей в большом городе, влияние политики «государственного антисемитизма» на посещаемость синагог.

Уже в советский период появилось достаточно большое число работ, посвященных иудаизму в СССР. Выходили они, прежде всего, за рубежом на английском, иврите, русском, других языках (см. например: [Pinkus 1984; Ro'i 1974; Шварц 1966] и др.). Источниками для этих исследований служили, главным образом, свидетельства людей, покинувших СССР, а также публикации в советской прессе. Частичное открытие архивов, возникновение в России и в других странах бывшего СССР высших учебных заведений, кафедр, центров, где профессионально изучалась история еврейского народа, способствовали формированию целых научных направлений, связанных с историей евреев в СССР. Среди наиболее важных работ, опубликованных в последние годы, можно отметить исследование Г. Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия)» [Костырченко 2015], являющееся своеобразным итогом исследований автора,

проводившихся на протяжении почти двух десятилетий. Что касается исследований, специально посвященных истории иудаизма в послевоенный период, то необходимо назвать кандидатскую диссертацию С. Чарного «Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели»: 1953–1964», защищенную в 2008 г. в РГУ, но, к сожалению, до сих пор не опубликованную [Чарный 2008]. Из зарубежных публикаций можно выделить исследование М. Альтшулера «Религия и еврейская идентичность в Советском Союзе 1941–1964» [Altshuler 2012], по всей видимости, одну из самых глубоких работ по истории иудаизма в СССР в послевоенный период.

Исследователи часто обращаются к проблематике истории еврейской религиозной жизни не только в СССР в целом, но и в отдельных регионах. Классической можно назвать книгу М. Бейзера «Евреи Ленинграда: Национальная жизнь и советизация. 1917–1939» [Бейзер 1999]. Что касается Москвы, то опубликован целый ряд работ по межвоенному периоду [Снопов 2004; Костырченко 2019]. Специальных исследований по истории еврейской религиозно-общинной жизни в Москве в первые послевоенные годы пока вышло не так много. Насколько мне известно, пока совсем не было посвященных этому периоду работ, где бы затрагивалась тематика посещаемости синагог в Москве.

Источниками по истории иудаизма в Москве в 1940-е гг. являются воспоминания посетителей синагог, материалы религиозных общин (см. например: [Mihlin 1986; Toldot 1989]), а также документы из государственных архивов, целый ряд которых опубликован (см. например: [Государственный антисемитизм 2005; Советско-израильские отношения 2000] и др.).

Одним из наиболее подробных и обширных источников по истории еврейской религиозно-общинной жизни в Москве в послевоенный период является фонд Р-3004 «Уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по г. Москве и Московской области», находящийся в ЦГАМ (немного удивительно, но материалы этого фонда за период с 1945 по 1953 г. до сих пор достаточно редко использовались в работах, посвященных истории ев-

реев СССР). Отчеты и докладные записки уполномоченного Совета содержат значительную информацию о происходившем в синагогах, в том числе и об их посещаемости. В то же время в документах достаточно редко содержатся ссылки на источники, которыми пользовался сам уполномоченный для сбора таких сведений. Тогда, когда он лично посещал синагоги или кладбища и предоставлял данные, исходя из собственной оценки, он прямо об этом сообщал (например, [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 16. Л. 42–43]). Чаще же он лично не посещал синагоги во время праздничных или субботних служб и ссылался на оценку членов руководства религиозной общины либо же вообще направлял руководству сведения без указания источника информации. Мы можем предположить, что источником данных в таких случаях могли быть местные отделения милиции или органы госбезопасности. Однако из отчетов уполномоченного можно заключить, что сотрудники милиции появлялись возле синагог изредка, только во время больших еврейских праздников и часто по просьбе самого уполномоченного. Что касается органов МГБ, то их в своих документах уполномоченный практически совсем не упоминает, что можно объяснить как существовавшими тогда правилами, так и тем, что уполномоченный, будучи связанным с органами, все же занимал по отношению к ним подчиненное положение и требовать от них данные для своих отчетов, скорее всего, не мог [Altshuler 2012, 16]. Можно предположить, что информацию предоставляли сотрудники уполномоченного, которых он направлял во время праздников в каждую из московских синагог. Уполномоченный, тем не менее, ни разу не упоминает таких сотрудников. Мы знаем, что аппараты уполномоченных были достаточно небольшими либо же они вообще их не имели [Зенюк 2019, 147–148]. Сами уполномоченные часто должны были совмещать свою деятельность с другой работой [Герасимова 2019, 215–216]. Судя по всему, основную информацию Бешапошникову все же предоставляли члены религиозных общин. О степени субъективности их оценки мы можем судить в тех случаях, когда уполномоченный сравнивает их сведения со своими наблюдениями. Так, в 1949 г., побывав на Востряковском (еврейском)

кладбище во время поста 9 ава (04.08.1949), Бесшапошников оценил число посетителей кладбища в течение всего дня в 1000 человек. Тут же он приводит слова работника кладбища В.З. Резникова, по мнению которого на кладбище в этот день побывало 2000–2500 человек. Член правления Хоральной синагоги, которая неформально курировала кладбище, Б.М. Давыдов оценил число посетителей в 3000–3500 человек, заведующий кладбищем И.М. Клячко – в 8000–10000 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 16. Л. 43].

Уполномоченный по делам религиозных культов по Москве приступил к своей работе с 1 декабря 1944 г. В апреле 1945 г. он направил в Совет первый календарный отчет – за период с 01.12.1944 по 31.03.1945 г. [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–6]. В самых первых отчетах отсутствует структурированная информация о посещаемости синагог, она появляется только в отчетах за 1946–1947 гг. В одном из отчетов за 1947 г. Бесшапошников приводит следующие данные об общине Московской Хоральной синагоги: число постоянных прихожан синагоги, по его словам, составляло 5000–6000 человек, в их числе были не только люди, проживавшие в Москве, но и жители пригородов. Лица до 25 лет составляли 5% прихожан, от 25 до 40 лет – 25%, от 41 до 60 лет – 50%, старше 60 лет – 20%. Мужчин было 60%, женщин – 40%. До 50% прихожан составляли рабочие и служащие, вторая половина посетителей синагоги состояла из иждивенцев, инвалидов, пенсионеров и «прочих». Синагога была открыта ежедневно с 6.00 до 12.00 и с 16.00 до вечера. Молитвенные собрания проводились в 3–4 смены утром и вечером (проведение молитв поменно – обычная практика во многих синагогах мира, первый миньян, как правило, начинается утреннюю молитву Шахарит с рассветом, вслед за ним к молитве приступает второй миньян и т. д.). Общая посещаемость по рабочим дням составляла 100–150 человек, по субботам – до 400 человек. Женщины в будние дни в синагогу почти не ходили, по субботам их было до 35% всех посетителей. Вечером в Йом-Кипур 1947 г. (23.09.1947 г.) в синагоге было до 5000 человек. Многие остались на улице. В Рош-а-Шана и в Суккот в 1947 г. синагогу посещало примерно 3000–3500 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп.

1. Д. 9. Л. 53–57]. По словам Бешапошникова, трудно судить о степени религиозности прихожан, «чуть ли не каждый из которых считает нужным предупредить, что он немного религиозный и национально настроенный» [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 58]. «Безусловно, среди посетителей синагоги есть большая группа верующих, особенно людей пожилых, которые посещают ее для удовлетворения религиозных потребностей», – добавляет он тут же [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 58]. По мнению уполномоченного, Хоральная синагога привлекала прихожан и тем, что она организовывала снабжение кошерным мясом, мацой, а также помогала проводить похороны по еврейскому религиозному обряду. До 97% покойников-евреев хоронили на Востряковском кладбище в соответствии с правилами, предусмотренными религиозной традицией [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 58]. Важным источником дохода Московского еврейского религиозного общества (МЕРО) наряду с доходами, связанными с организацией похорон, была продажа мест в Хоральной синагоге. По оценке уполномоченного, в 1947 г. она принесла до 250 тыс. рублей (было продано примерно 150 мест). В качестве добровольных пожертвований синагога получила 480 тыс. рублей («в прошлом» за продажу мест МЕРО выручала до 300 тысяч рублей, а в виде добровольных пожертвований получала 1 000 000–1 200 000 рублей) [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 58]. Уровень доходов позволял не только поддерживать в приемлемом состоянии здание синагоги, но и платить зарплату раввину и председателю правления Ш. Шлиферу, другим сотрудникам (всего в штате Хоральной синагоги в 1947 г. было около 40 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 5. Л. 28]). Шлифер получал 4000 рублей в месяц, т. е. являлся достаточно высокооплачиваемым, по советским меркам, работником (рабочие в СССР в 1947 г. зарабатывали от 800 до 3000 рублей, шахтеры-стахановцы – до 8000 рублей, заработная плата инженера колебалась от 900 до 1300 рублей, профессора и академики получали до 10 000 рублей в месяц). Заместители председателя правления МЕРО получали по 1500 рублей в месяц, другие сотрудники – в пределах 1000 рублей в месяц [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 58].

В том же отчете Бешапошников сообщает сведения и об общинах других московских синагог. Так, общее число постоянных посетителей Арбатской синагоги (располагалась по адресу: Большой Афанасьевский переулок, д. 16а) он оценил в 250–300 человек. До 65% прихожан составляли иждивенцы, инвалиды и пенсионеры, 6–8% – интеллигенция (юристы, врачи). Почти все верующие были старше среднего возраста. Синагога работала ежедневно. Молитвенные собрания проводились в 2 смены утром и вечером. Средняя посещаемость синагоги в будние дни составляла 25–30 человек, по субботам – 60 человек, из них примерно 20 женщин. В осенние праздники и в Песах синагога не могла вместить всех желающих [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 60]. Надо заметить, что не всегда просто это было сделать и в обычные дни, так как синагога находилась в подвале и ее общая площадь составляла всего 80 квадратных метров. О продаже мест в синагоге Бешапошников не упоминает, а в качестве добровольных пожертвований она получила 100–120 тыс. рублей.

Площадь синагоги в Марьиной Роще была заметно больше (500 квадратных метров), а количество постоянных посетителей достигало 2000 человек. Большинство прихожан (60%) составляли женщины. Примерно 30% посетителей составляли люди моложе 40 лет, прихожан от 41 до 60 лет было 40%, старше 60 лет – 30%. Рабочие и служащие составляли до 40% посетителей синагоги, иждивенцы, инвалиды и пенсионеры – 60%. Посещаемость синагоги в рабочие дни составляла 25–30 человек, службы проводились в 2 смены. По субботам приходило 50–70 человек, из них 30%, так же, как и других синагогах, составляли женщины. В Рош-а-Шана и в Суккот 1947 г. в синагоге было 800–1000, а в Йом-Кипур – более 1000 человек. Посещаемость синагоги в 1947 г. возросла по сравнению с предшествующими годами. В результате продажи мест синагога выручила более 20 тыс. рублей, добровольные пожертвования принесли 300–350 тыс. рублей [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 61].

Черкизовская синагога занимала частное деревянное здание площадью 140 квадратных метров. Число посетителей синагоги составляло 1500–2000 человек, из них женщин было

25–30%. 75% верующих были людьми старше 50 лет. Как и в Марьиной Роще, рабочие и служащие составляли около 40%, иждивенцы, инвалиды и пенсионеры – 60%. В 1945–1947 гг. по рабочим дням синагогу посещали 40–60 человек, по субботам – 200–250 мужчин и 40–50 женщин. В Йом-Кипур в синагогу пришло 450–500 мужчин и 200–250 женщин, в Роша-Шана и Суккот – 400–500 человек, в Песах – до 500 человек. Места продавались, и синагога за них выручила до 5000 рублей. Общая доходность синагоги составляла в 1947 г. 250–300 рублей в год [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9. Л. 62].

Таким образом, по оценке уполномоченного, число постоянных посетителей четырех московских синагог составляло около 10 тыс. человек или примерно 5% от численности еврейского населения столицы. С другой стороны, площадь синагог была сравнительно небольшой, и по праздникам они не могли вместить всех желающих. Можно предположить, что часть верующих в синагоги не ходила вообще или посещала нелегальные миньяны. Например, в 1950 г. миньян в частном доме по адресу: Ростокинская ул., д. 70а по субботам посещало 15–20 человек, в Йом-Кипур – более 200 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 23. Л. 32]. Учитывая то, что государство боролось с миньянами, такая посещаемость конкретного миньяна по праздникам была исключением, а не правилом. Численность большинства миньянов, по данным уполномоченного, составляла 30–50 человек, в начале 1950-х гг. он упоминал примерно 15 миньянов в Москве и столько же в области.

В отчетах за 1947 г. Бешапошников не привел обобщающих данных по посещаемости синагог в Малаховке и Салтыковке. Он исправил эту «оплошность» в отчетах за 1948 г. По его данным, общее количество прихожан синагоги в Малаховке составляло около 300 человек (жители Малаховки, Красково, Удельной и других населенных пунктов). Почти все верующие были людьми старше 40 лет. Рабочие и служащие составляли всего 10% постоянных посетителей этой синагоги. Оставшиеся 90% были иждивенцами, пенсионерами, инвалидами и домохозяйками. В отличие от московских синагог, службы в Малаховке проводились не каждый день, а только

по понедельникам, четвергам и субботам. По понедельникам и четвергам в синагогу приходило 12–15 мужчин, по субботам – 25–30 человек, из которых 7–10 женщин. В Йом-Кипур 1947 г. в синагоге было до 100 человек, в Рош-а-Шана, Суккот и Песах – 50–60 человек. Места не продавались, в результате добровольных пожертвований синагога получала 12–13 тыс. рублей в год [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 32].

В Салтыковке в синагогу, располагавшуюся по адресу: ул. Покровская, д. 28, приходило более 300 человек, в основном жители Салтыковки, Новогиреево, Кусково, Балашихи и других населенных пунктов Московской области. Женщины (как и в Марьиной Роще) составляли до 60% верующих. Тут было относительно много молодежи и людей средних лет. Людей от 25 до 40 лет было 20%, от 41 до 60 лет – 50%, старше 60 лет – 30%. Рабочие и служащие составляли 35% посетителей синагоги, иждивенцы, пенсионеры, инвалиды и домохозяйки – 65%. Синагога работала каждый день. По будним дням ее посещало 10–12 человек, по субботам – 20–25 человек. На осенние праздники приходило до 100 человек, на Песах – примерно 60 человек. Места в синагоге не продавались, в качестве добровольных пожертвований община получала 7000–10 000 рублей в год [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 34].

Наличие большого числа женщин и молодежи в синагогах в Салтыковке и в Марьиной Роще можно объяснить расположением этих синагог (в дачном поселке и в частном секторе на окраине Москвы), что создавало определенную иллюзию безопасности и придавало синагогам домашний характер. Сам уполномоченный, однако, никак не комментирует эти цифры, как и не называет источник, откуда он их получил. Относительное распределение различных возрастных и половых групп могло быть личной оценкой «источника» уполномоченного и не соответствовать действительности.

Начиная с 1947 г. Бешапошников регулярно отправлял в Совет данные о численности посетителей синагог в осенние праздники и в период праздника Песах, включая их в свои ежеквартальные отчеты. В 1945–1949 гг. он почти не писал о посещаемости на праздник Пурим или в Хануку, достаточно редко упоминал праздник Шавуот. Сведения о посещаемости

в эти праздники появляются только с 1950 г. (как правило, она не очень сильно превышала посещаемость в обычные дни [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 125]). На постоянной основе не предоставлялась информация о посещаемости в субботы и в рабочие дни.

В своих отчетах Бешапошников наряду со статистическими данными о посещаемости в конкретные службы старался давать информацию о возрастном составе посетителей, упоминал о числе иностранцев, приходивших в синагоги (иностранцы бывали почти исключительно в Хоральной синагоге), указывал число военных в форме среди молящихся (если таковые были), а также студентов (последних он мог перечислять и по именам).

20 июня 1948 г. в Хоральной синагоге состоялась торжественная служба, посвященная образованию государства Израиль. По словам уполномоченного, весь Б. Спасоглинищевский переулок был заполнен народом. Всего было не менее 10 000 человек, в синагогу смогло зайти около 3500 человек, или как прокомментировал приведенную им цифру Бешапошников, «не более 30% присутствующих». 70% составляли мужчины. Молодежи до 25 лет было около 15% пришедших, 25–40 лет – 30%, 40–60 лет – 40%, старше 60 лет – 15%. По информации уполномоченного, многие участники мероприятия, особенно из молодежи, пришли в синагогу впервые [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 67].

Уполномоченный в своих документах почти не останавливался на событиях, связанных с визитами в Хоральную синагогу осенью 1948 г. первого посла Израиля в СССР Голды Меир (Меерсон). В отчете за 3-й и 4-й кварталы 1948 г. он говорит только о том, что в Хоральной синагоге в праздники «Новый год» и «Судный день» бывает 3500–4000 человек, еще столько же бывает и на улице [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 11. Л. 95]. В обобщающих сведениях по посещаемости московских синагог за шесть лет, которые Бешапошников направил в Совет в 1950 г., он указал, что во время поста Йом-Кипур 1948 г. Хоральную синагогу посетило 7000–8000 человек, что было больше, чем в предыдущие годы, но меньше, чем в 1949 г., когда в Судный день главную московскую

синагогу посетили 8000-10 000 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 123]. Излишне говорить о том, что сведения уполномоченного не совпадали с мнением самой Г. Меир, которая оценивала число пришедших к Хоральной синагоге в Рош-а-Шана и Йом-Кипур 1948 г. в 40–50 тыс. человек (см. например: [Эпштейн 2006, 189–190]). Тем не менее тот факт, что Бешапошникову не пришлось подробно писать в Совет о службах в Хоральной синагоге в осенние праздники 1948 г., безусловно, говорит об особом значении, которое советские органы власти придавали визитам в синагогу израильского посла и приему, который оказали ей московские евреи. Судя по всему, ситуацию в синагоге, наряду с прочими органами, отслеживали напрямую из Совета. Об этом свидетельствует, например, текст письма, который И.В. Полянский направил В.М. Молотову 6 октября 1948 г., на следующий день после окончания Рош-а-Шана. В письме Полянский оценил численность собравшихся утром первого дня Рош-а-Шана (04.10.1948 г.) в 10 000 человек в синагоге и возле нее [Советско-израильские отношения 2000, 400]. Именно в это время синагогу посетила Г. Меир.

В 1949 г. (как и в последующие годы) отчеты уполномоченного приобрели еще более структурированный характер. Ниже приводятся данные по посещаемости московских синагог за 1949 г. [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 16. Л. 9–10, 51–54]:

Праздники 1949	Хоральная синагога	Синагога в Марьиной Роще	Черкизовская синагога	Арбатская синагога
Песах, канун	1000	50	150	100
Песах, 1-й день, утро	2000	130	300–350	150
Песах, 7-й день, канун	1000	30	80–100	60–80
Песах, 7-й день, утро	2000	40	80–100	60–80
Песах, 8-й день, вечер	600	30	80–100	60–80

Песах, 8-й день, утро (Изкор)	3000	150	400	200
Рош-а-Шана, 1-й день, вечер	3000			
Рош-а-Шана, 1-й день, утро	5000	1000	500	
Рош-а-Шана, 2-й день, вечер	3000			
Рош-а-Шана, 2-й день, утро	5000	1000	500	
Йом-Кипур, канун	3500 на 2 службах (+ на улице до 6000)	1800		200
Йом-Кипур, утро	ок. 3500	1000	400	
Суккот, 1-й день, утро	400 – (служба с 5.30 до 9.30), 2000 – (служба с 9.30 до 14.00)			
Суккот, 7-й день, утро	до 3000 (+500 на улице)			
Симхат-Тора, вечер	Более 3000			

По сравнению с предыдущим годом, в Песах 1949 г. посещаемость, судя по этим цифрам, в целом выросла, а в осенние праздники (кроме Йом-Кипура) она была ниже. Этот феномен можно попробовать объяснить внешними факторами, как положительного (сохраняющим свою силу всплеском национального и религиозного самосознания в связи с созданием Государства Израиль), так и отрицательного (политикой государственного антисемитизма и закрытием светских еврейских организаций) характера. Эти факторы могли весной 1949 г. привлечь в синагоги новых людей, а осенью (ког-

да энтузиазм в связи с созданием Израиля уже сошел на нет, а антисемитская политика властей становилась все более очевидной) оттолкнуть их. Кроме того, осенью 1948 г. происходили первые визиты в синагогу Г. Меир, посмотреть на которую приходили и люди, обычно в синагоге не бывавшие. К осени 1949 г. первый посол Израиля уже давно покинула Москву, послом стал гораздо менее известный и популярный Мордехай Намир.

Уполномоченный, по понятным причинам, о «внешних» факторах не упоминал, но говорил о «внутренних» проблемах общины, которые могли повлиять на посещаемость. В частности, летом 1949 г. руководство Хоральной синагоги уволило постоянного кантора М.Е. Баркана. В июле и августе правление синагоги планировало провести ряд служб с участием приглашенных канторов из Одессы, Киева и Черновцов, устроив таким образом что-то вроде конкурса [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 66]. Лучший кантор мог быть приглашен на работу в синагогу во время осенних праздников. Однако из ожидавшихся канторов в Москву прибыл только черновицкий кантор П.М. Гринберг (1918 г. р.). Он и был приглашен в синагогу на осенние праздники. Судя по всему, синагога не могла позволить себе сделать ставку только на молодого Гринберга, поэтому накануне праздников в синагогу был возвращен кантор Баркан. В результате праздничные службы обслуживались двумя канторами [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 67]. Конфликты в синагоге и неясная ситуация с канторами могли вынудить пропустить службы кого-то из «национально настроенных» посетителей, приходивших туда не столько из-за религиозных убеждений, сколько из желания приобщиться к еврейской культуре, в частности, послушать канторское пение.

Интересно, что сам уполномоченный тут же пишет о том, что посещаемость Хоральной синагоги в осенние праздники 1949 г. возросла по сравнению с предыдущим годом, а посещаемость других московских синагог уменьшилась [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 68], что, казалось бы, противоречило и его собственным цифрам (особенно в части, касающейся Хоральной синагоги) и тому, что мы знаем о визитах в

синагогу Г. Меир. Это позволяет в очередной раз поставить под сомнение статистические данные, предоставляемые Бешапошниковым. Комфортная вместимость Хоральной синагоги не превышала 2000 человек [Эпштейн 2006, 190], а определить точно, сколько людей собралось на улице, не всегда возможно и в современных условиях. При этом все же нужно признать, что оценки уполномоченного пусть и делались с определенным допущением, все же основывались на некоей логике. Когда он говорил о 3000–3500 человек, находящихся внутри самой синагоги, то, очевидно, имел в виду, что синагога была переполнена, забита до отказа. Заполненный Большой Спасоглинищевский переулок (который в те годы был застроен домами с обеих сторон), видимо, означал для Бешапошникова и его корреспондентов, что там присутствует еще порядка 3000–4000 человек. В тех случаях, когда переулок был переполнен, он мог написать, что там находилось до 6000 человек, а всего синагогу в этот день посетило до 10 000 человек. Когда уполномоченный сообщал о количестве «постоянных посетителей» той или иной синагоги он, судя по всему, основывался именно на оценке максимального числа посетителей в праздники. В 1950 г. Бешапошников писал, что прихожан Хоральной синагоги насчитывается до 10 000 человек [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 20. Л. 16]. Это было на 4000 человек больше, чем число, указанное им в отчете, составленном в 1947 г. Можно предположить, что в реальности число посетителей синагоги не выросло за эти три года почти в два раза. Просто уполномоченный скорректировал свои оценки, исходя из данных о максимальной посещаемости Хоральной синагоги во время осенних праздников 1948 и 1949 гг.

В Песах 1950 г. численность посетителей синагог, по мнению уполномоченного, была выше, чем в 1949 г. Он объяснял это тем, что первый и последний день Песаха пришлись на выходной день (воскресенье) [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 20. Л. 5].

Вот данные по посещаемости синагог в Песах 1950 г., которые приводит уполномоченный [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 20. Л. 6].

Праздники 1950	Хоральная синагога	Синагога в Марьиной Роще	Черкизовская синагога
Песах, канун	1000 человек	50–60 мужчин	120–150 мужчин
Песах, 1-й день, утро	Более 3000 человек	400–450 (до 40% женщины)	До 350 человек
Песах, 7-й день, канун	Более 600 человек	40–50 мужчин	Около 100 мужчин
Песах, 7-й день, утро	2000 человек	До 300 человек (50% женщины)	200–250 человек
Песах, 8-й день, вечер	До 800 человек	До 30 мужчин	
Песах, 8-й день, утро (Изкор)	Более 3000 человек	Около 300 человек (чуть менее 50% – женщины)	Около 400 человек (30–35% – женщины)

О Хоральной синагоге Бешапошников указывает, что женщин там было до 35% от всех участников служб, не оговаривая, сколько именно их приходило на каждую службу.

Арбатская синагога была закрыта 28.11.1949 г., так как ее помещение было признано пожароопасным и не подходящим для проведения молитвенных собраний [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 93]. Община в Салтыковке была снята с регистрации 05.08.1950 г. как не имеющая молитвенного помещения (синагога располагалась в частном здании, владельцы которого отказались продлевать договор с общиной о его аренде, снять же новое помещение не удалось) [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 104].

Данные по числу посетителей синагог в осенние праздники 1950 г. приводятся ниже [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 96, 100–103].

Праздники 1950	Хоральная синагога	Синагога в Марьиной Роще	Черкизовская синагога
Рош-а-Шана, 1-й день, вечер	1000 мужчин + 200 женщин	100 мужчин + 50 женщин	120 мужчин + 10–12 женщин
Рош-а-Шана, 1-й день, утро	3000–3500 мужчин + 1200 женщин	600–700 мужчин + 600–700 женщин	220–230 мужчин + до 150 женщин

Рош-а-Шана, 2-й день, вечер	600 мужчин + до 100 женщин	50 мужчин + 30 женщин	До 150 мужчин + 10–15 женщин
Рош-а-Шана, 2-й день, утро	3000–3500 мужчин + 1200 женщин	400–500 мужчин + до 600 женщин	Около 200 мужчин + более 100 женщин
Йом-Кипур, канун (2 смены)	4000–4500 мужчин + до 2500 женщин	500–600 мужчин + 600–700 женщин	300 мужчин + 250 женщин
Йом-Кипур, утро	4000–4500 мужчин + до 2500 женщин	До 300 мужчин + до 400 женщин (до 12.00), после 12.00 500–600 мужчин + до 700 женщин	200–220 мужчин + 180 женщин, после 17.00 – 270 мужчин + 250 женщин
Суккот, канун	500–600 мужчин + до 50 женщин	100 мужчин + 20 женщин	
Суккот, 1-й день, утро	1500–2000 мужчин + 400–500 женщин	200 мужчин + 200 женщин	
Суккот, 2-й день, вечер	До 400 мужчин + до 50 женщин	50–60 мужчин	
Суккот, 2-й день, утро	До 2500 мужчин + до 500 женщин	50–60 мужчин	
Суккот, 7-й день, вечер	До 1000 мужчин + до 100 женщин	300 мужчин + 200 женщин	
Суккот, 7-й день, утро	До 2500 мужчин + до 1200 женщин	До 400 мужчин + более 300 женщин, из них 15–20 юношей и девушек + 20 школьников в возрасте 8–12 лет	
Симхат-Тора, вечер	До 3000 мужчин, до 1500 женщин, до 100 детей до 12 лет с родителями	300 мужчин + 80 женщин	

Симхат-Тора, утро	До 2500 мужчин + до 800 женщин		
----------------------	-----------------------------------	--	--

Посещаемость Малаховской синагоги в осенние праздники была на уровне 60–80 мужчин и 30–50 женщин. В Судный день – 100–120 мужчин и 60–80 женщин [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 103].

Данные по статистике посещаемости синагог, как и другая статистика, использовались Советом для планирования мероприятий, направленных на борьбу с религией, прежде всего среди молодежи, а также среди «рабочих и служащих». В первые послевоенные годы эти мероприятия были еще не так активны, существенного сокращения числа посетителей синагог, судя по всему, не происходило. Это иллюстрируют данные о посещении синагог в субботы и будние дни в 1945–1950 гг. [ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18. Л. 123–133].

Годы	Хоральная синагога	Синагога в Марьиной Роще	Черкизовская синагога	Малаховская синагога
Рабочие дни 1945	100–150			
Рабочие дни 1946	100–150	24–30		
Рабочие дни 1947	150–200	24–30		
Рабочие дни 1948	200–250	30–40		
Рабочие дни 1949	150–200	25–30	40–60 мужчин	12–16 мужчин
Рабочие дни 1950	150–200	20–25	40–60 мужчин	12–16 мужчин
Субботы 1945	200			
Субботы 1946	250	40–50		
Субботы 1947	350–400	50–60		
Субботы 1948	400–500	50–60		

Субботы 1949	250–300	40–60	150–200 человек (15– 20% женщины)	
Субботы 1950	200–250	40–50	150–200 человек (15– 20% женщины)	30–40 человек (3–5 женщин)

Очевидно, что документы уполномоченного далеко недостаточны для всестороннего анализа различных сторон жизни религиозных общин. Даже формальные данные о работе синагог, их посещаемости, штатном составе и доходах религиозных обществ нуждаются в проверке из других источников, которыми могут быть документы иных государственных органов, воспоминания посетителей синагог и т. д. Тем не менее документы, находящиеся в фонде Р-3004, имеют значение как собственно для изучения истории еврейской религиозной жизни в послевоенный период, так и для анализа политики государственных органов по отношению к религиозным организациям. Можно говорить об определенной преемственности между созданными в конце войны структурами, занимавшимися религией, существовавшим в 1965–1991 гг. Советом по делам религий, и управлениями по связям с религиозными организациями, которые возникли уже в постсоветский период. Речь в данном случае идет не о политической составляющей, а об организации работы, о том, что именно интересовало (и интересует) государственные органы в жизни общин, какими методами они пользуются для достижения своих текущих целей. В этом отношении послевоенные, доступные для исследователей, документы уполномоченного Совета по Москве и области представляют особенно большой интерес.

Источники

Государственный антисемитизм 2005 – Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева; Сост. Г.В. Костырченко. М.: МФД; Материк, 2005. 590 с. (Россия. XX век. Документы).

Советско-израильские отношения 2000 – Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т. I: 1941–1953: В 2 кн. Кн. 1: 1941 — май 1949. М.: Международные отношения, 2000. 560 с.

ЦГАМ – Центральный государственный архив города Москвы
ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 3 «Информационные текстовые отчеты Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по г. Москве и области о работе за 1945 г.». 29 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 5 «Докладные записки, справки и информационные письма Уполномоченного по г. Москве и области и служителей религиозных культов о деятельности религиозных общин и организаций за 1945–1948 гг.». 43 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 9 «Текстовые отчеты Уполномоченного Совета по г. Москве и области о работе за 1947 г.». 69 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 11. «Информационные текстовые отчеты Уполномоченного Совета по г. Москве и области о работе за 1948 г.». 106 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. «Информационные текстовые отчеты Уполномоченного Совета по г. Москве и области о работе в 1949 г.». 98 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 16 «Докладные записки, справки и информационные письма Уполномоченного Совета по г. Москве и области и служителей религиозных культов о работе религиозных общин и организаций за 1949 г.». 56 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 18 «Информационные текстовые отчеты Уполномоченного Совета по г. Москве и области о работе в 1950 г.». 139 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 20 «Докладные записки, справки и информационные письма Уполномоченного Совета по г. Москве и области и служителей религиозных культов о работе религиозных общин и организаций за 1950 г.». 39 л.

ЦГАМ, Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 23 «Документы (справки, акты, докладные записки, письма, заявления и др.) о деятельности незарегистрированных религиозных сект за 1950–1960 г.». 227 л.

Mihlin 1986 – *Mihlin E.* Ha-gahelet [иврит]. Jerusalem: Shamir, 1986. 336 с.

Toldot 1989 – Toldot habad be-rusia ha-sovetit [иврит]. New York: Kehot, 1989. 454 с.

Литература

Бейзер 1999 – *Бейзер М.* Евреи Ленинграда: Национальная жизнь и советизация. 1917–1939. М. – Иерусалим: Гешарим, 1999. 447 с.

Герасимова 2019 – *Герасимова В.А.* Иудейские общины Западной Сибири и уполномоченные Совета по делам религиозных культов (1944–1953): Контроль и коммуникация // Конфессиональная по-

литика советского государства в 1917–1950-е годы : Материалы XI Международной научной конференции, Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2019. С. 212–220.

Зенюк 2019 – *Зенюк Р.В.* «Работать не могу, не хочу и не буду»: Формирование института уполномоченных совета по делам религиозных культов в БССР (1944–1949 гг.) // Конфессиональная политика советского государства в 1917–1950-е годы : Материалы XI Международной научной конференции, Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2019. С. 141–156.

Костырченко 2015 – *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм (Новая версия): В 2 ч. М.: Международные отношения, 2015. 1176 с.

Костырченко 2019 – *Костырченко Г.В.* Московская еврейская религиозная община: от Октябрьской революции до Большого террора // Конфессиональная политика советского государства в 1917–1950-е годы : Материалы XI Международной научной конференции, Великий Новгород, 11–13 октября 2018 г. М.: РОССПЭН, 2019. С. 290–318.

Петров 2010 – Полянский Иван Васильевич // *Петров Н.В.* Кто руководил органами госбезопасности: 1941–1954. М.: Международное общество «Мемориал»; Звенья, 2010. http://old.memo.ru/history/nkvd/kto2/kto_2-0908.html.

Синельников 2018 – *Синельников А.Б.* Демография российского еврейства // Евреи / отв. ред. Т. В. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 141–154.

Снопов 2004 – *Снопов Ю.А.* Еврейская община Москвы в 1920–1930-е гг. // Диаспоры. 2004. № 3. С. 80–99.

Снопов, Сучкова 2018 – *Снопов Ю.А., Сучкова Е. Ю.* Евреи в СССР (1917–1991) // Евреи / отв. ред. Т.В. Емельяненко, Е.Э. Носенко-Штейн. М.: Наука, 2018. С. 109–141.

Чарный 2008 – *Чарный С.А.* Государственная политика в отношении еврейских религиозных общин в период «оттепели» (1953–1964): дис. ... кандидата исторических наук. М., 2008. 215 с.

Шварц 1966 – *Шварц С.* Евреи в Советском Союзе с начала Второй Мировой войны (1939–1965). Нью-Йорк: Изд. Американского еврейского рабочего ком-та, 1966. 425 с.

Эпштейн 2006 – *Эпштейн А.* Народная дипломатия и ее последствия: посланник Израиля Голда Меир в Московской хоральной синагоге в сентябре – октябре 1948 года // 100 лет. Московская хоральная синагога. М.: Дом еврейской книги, 2006. С. 177–203.

Altshuler 1998 – *Altshuler M.* Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem: Yad Vashem, 1998. XX + 346 p.

Altshuler 2012 – *Altshuler M.* Religion and Jewish Identity in the Soviet Union 1941–1964. Calluna: Brandeis University Press, 2012. X + 324 p.

Pinkus 1984 – *Pinkus B.* The Soviet Government and the Jews: A Documented Study. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 612 p.

Ro'i 1974 – *Ro'i Y.* From Encroachment to Involvement: a documentary study of Soviet policy in the Middle East, 1945–1973. New York: John Wiley, 1974. XXXIX + 616 p.

Moscow Synagogues' Attendance in 1945–1950 According to the Head of the Religious Affairs Department in Moscow and the Moscow Region

Yury Snopov

Independent researcher
Brno, Czech

Independent researcher
ORCID 0000-0002-3208-4371
Brno, Czech
Tel. +7 (495) 777-65-57
E-mail: snopov@gmail.com

DOI: 10.31168/2658-3380.2021.21.3.4

Abstract: The main topic of the article is attendance at Moscow synagogues in 1945–1950 the 1940s. The sources used to prepare the article are the documents from the collection P-3004 «Moscow and Moscow Region Representative of the Soviet for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR» stored in the Central State Archives of Moscow. The author analyzes the data contained in the reports and other documents of the Representative about the attendance of the synagogues and other aspects of Jewish religious life in Moscow. The problems of everyday functioning of Jewish religious communities under a totalitarian regime are considered. In addition, the article discusses issues related to the sources that the Representative himself had for preparing the attendance data, a methodology that he probably used to calculate the number of believers who came to synagogues. As follows from the reports of the Representative, state measures aimed at combating religion did not lead to a drop in synagogue attendance. The decline in attendance did not begin until the 1950s.

Keywords: *Representative of the Soviet for Religious Affairs, Post War period, Moscow, USSR, synagogue attendance, Jewish religious life in Moscow, Moscow choral synagogue, Moscow synagogues, believers, Spiridon Besshaposhnikov, Ivan Polyansky*

References

Altshuler, M., 1998, *Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust: A Social and Demographic Profile*. Jerusalem, Centre for Research of East European Jewry, Hebrew University of Jerusalem, Yad Vashem, xx, 346.

Altshuler, M., 2012, *Religion and Jewish Identity in the Soviet Union 1941-1964*. Waltham, Mass., Brandeis University Press, x, 324.

Beizer, M., 1999, *Evrei Leningrada: Natsional'naia zhizn' i sovetizatsiia. 1917–1939* [The Jews of Leningrad. National Life and Sovietization. 1917–1939]. Moscow – Jerusalem, Gesharim, 447.

Charnyi, S.A., 2008, *Gosudarstvennaia politika v otnoshenii evreiskikh religioznykh obshchin v period "otpepli" (1953–1964)*, PhD dissertation. Moscow, 215.

Epshtein, A., 2006, *Narodnaia diplomatiia i ee posledstviia: poslanik Izraelia Golda Meir v Moskovskoi khoral'noi sinagoge v sentiabre – oktiabre 1948 goda* [People's diplomacy and its consequences: Israeli envoy Golda Meir at the Moscow Choral Synagogue in September – October 1948]. *100 let. Moskovskaia khoral'naia sinagoga* [100 years. Moscow Choral Synagogue]. Moscow, Dom evreiskoi knigi, 177–203.

Gerasimova, V.A., 2019, *Iudeiskie obshchiny Zapadnoi Sibiri i upolnomochennye Soveta po delam religioznykh kul'tov (1944–1953): Kontrol' i kommunikatsiia* [Jewish Communities in Western Siberia and Commissioners of the Council for Religious Affairs (1944–1953): Control and Communication]. *Konfessional'naia politika sovetskogo gosudarstva v 1917–1950-e gody : Materialy 11 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 11–13 oktiabria 2018 g.* [Confessional policy of the Soviet state in the 1917–1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Veliky Novgorod, October 11–13, 2018]. Moscow, ROSSPEN, 212–220.

Kostyrchenko, G. V., 2015, *Tainaia politika Stalina. Vlast' i antisemitizm (Novaia versiia)* [Stalin's secret policy. Power and Anti-Semitism (New Version)]. In 2 parts, Moscow, izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniia, 1176.

Kostyrchenko, G. V., 2019, *Moskovskaia evreiskaia religioznaia obshchina: ot Oktiabr'skoi revoliutsii do Bol'shogo terror* [Moscow Jewish Religious Community: from the October Revolution to the Great Terror]. *Konfessional'naia politika sovetskogo gosudarstva v 1917–1950-e gody :*

Materialy 11 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 11–13 oktiabria 2018 g. [Confessional policy of the Soviet state in the 1917–1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Veliky Novgorod, October 11–13, 2018]. Moscow, ROSSPEN, 290–318.

Pinkus, B., 1984, *The Soviet Government and the Jews: A Documented Study*. Cambridge, Cambridge University Press, 1984, 612.

Ro'i, Y., 1974, *From Encroachment to Involvement: a documentary study of Soviet policy in the Middle East, 1945–1973*. New York, J. Wiley, 1974, xxxix, 616.

Schwarz, S., 1966, *Evrei v Sovetskom Soiuzе s nachala Vtoroi Mirovoi voiny (1939–1965)* [Jews in the Soviet Union since the beginning of World War II (1939–1965)]. New-York, Izd. Amerikanskogo evreiskogo rabocheho kom-ta, 425.

Sinel'nikov, A. B., 2018, Demografia rossii'skogo evreistva [Demography of Russian Jewry]. *Evrei* [Jews], eds. T. V. Emel'ianenko and E. E. Nosenko-Shtein. Moscow, Nauka, 2018, 141–154.

Snopov, Yu. A., 2004, Evreiskaia obshchina Moskvы v 1920–1930-e gg. [Jewish community of Moscow in the 1920s–1930s]. *Diaspory*, vol. 3, 80–99.

Snopov, Yu.A., Suchkova, E. Yu., 2018, *Evrei v SSSR (1917–1991)* [Jews in the USSR (1917–1991)]. *Evrei* [Jews], eds. T. V. Emel'ianenko and E. E. Nosenko-Shtein. Moscow, Nauka, 2018, 109–141.

Zeniuk, R.V., 2019, “Rabotat' ne mogu, ne khochu i ne budu': Formirovanie instituta upolnomochennykh soveta po delam religioznykh kul'tov v BSSR (1944–1949 gg.) [“I Can't Work, I Don't Want to and I Will Not”: Formation of the Institute of Commissioners for the Council for Religious Affairs in the BSSR (1944–1949)]. *Konfessional'naiа politika sovetskogo gosudarstva v 1917–1950-e gody : Materialy 11 Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 11–13 oktiabria 2018 g.* [Confessional policy of the Soviet state in the 1917–1950s: Proceedings of the XI International Scientific Conference, Veliky Novgorod, October 11–13, 2018]. Moscow, ROSSPEN, 141–156.